

Скифы: язык и этнос

[Сергей Кулланда](#)

Историк Сергей Кулланда о проблеме происхождения скифов и особенностях скифского языка

Скифы – один из немногих бесписьменных народов древности, от которых до нас дошли и самоназвание, и достаточно подробные и в целом заслуживающие доверия сведения иноязычных нарративных источников. Это позволило считать их создателями богатейших памятников Северного Причерноморья соответствующего времени, чья материальная культура тем самым обрела этническую идентификацию, что можно сказать далеко не о каждой археологической культуре. Тем не менее происхождение скифов остается предметом споров.

Ранняя история

Письменные источники содержат не так уж много сведений о ранней истории скифов. Геродот (IV 11) и Диодор (II 43) сходятся на том, что скифы пришли в Восточную Европу из Азии (Геродот), перейдя реку Аракс (Геродот), близ которой они до этого жили (Диодор), и, изгнав киммерийцев (Геродот, Аристей apud Hdt. IV 13), заняли горные земли вплоть до Кавказа и равнины у Океана (Черного моря) и Меотийского озера (Азовского моря) вплоть до Танаиса (Дона) (Диодор). Для оценки достоверности этой традиции важно, что сообщение Диодора о том, что скифы владели страной в горах до Кавказа, подтверждаются археологическими данными, а именно сосредоточением наиболее ранних памятников, в которых представлен скифский культурный комплекс, в Предкавказье. Затем скифы, преследуя киммерийцев, прошли через Кавказ и вторглись в Мидию (Hdt. IV 12). Пребывание скифов в Передней Азии также подтверждается независимыми данными клинописных источников, в которых упоминается их самоназвание (см. ниже), и археологии (находки ближневосточных вещей на ранних скифских памятниках Северного Кавказа и скифских артефактов на переднеазиатских памятниках).

Карта расположения Скифии. Источник: The Scythians 700-300 BC. Text by Dr. E.V. Cernenko. Colour plates by Angus McBride from reconstructions by Dr. M.V. Gorelik . London: Osprey Publishing

Разумеется, отрывочные сведения античной традиции о ранней истории скифов можно трактовать по-разному, тем более, что неясно, какой Аракс имеется в виду: под этим названием в древности могли выступать разные реки. Так, Л.С. Клейн (Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос. – Вестник древней истории (далее ВДИ), 1975, № 4) предположил, что рассказ Геродота о приходе скифов в Северное Причерноморье из-за Аракса есть реминисценция их временного отступления из Передней Азии, где их пребывание засвидетельствовано клинописными источниками (под Араксом он при этом предложил понимать современный Аракс в Закавказье), а Геродот просто спутал рассказ о возвращении из похода с легендой о первоначальном вторжении скифов в места их последующего обитания. Вопросы о том, откуда скифы появились в Передней Азии, Л.С. Клейн специально не рассматривал, но высказал мнение, что косвенные данные скорее свидетельствуют об их автохтонности в Северном Причерноморье. Принимая, однако, во внимание, что версия Диодора, видимо, независимая от Геродота, также повествует о постепенном подчинении скифами земель сначала от Кавказа до Танаиса, а затем от Танаиса до Фракии, можно предполагать, что автохтонами Северного Причерноморья скифы, согласно античной традиции, опирающейся на их собственные предания, все-таки не были. Задаваясь вопросом о том, откуда они туда пришли, мы вновь сталкиваемся с проблемой идентификации Аракса. Теоретически Араксом, из-за которого пришли скифы, мог быть и современный Аракс, и Волга, и Урал, и Аму- или Сыр-Дарья, но учитывая, что ближайшие родственники европейских скифов, саки, обитали в Средней Азии, первых, видимо, следует выводить из-за Волги (в широком смысле), а не из Передней Азии.

О том же, насколько можно судить, свидетельствует и археология. Во всяком случае, из приблизительно дюжины категорий

артефактов, характеризующих раннескифский культурный комплекс, самая значительная часть происходит из Приаралья. Оттуда, по-видимому, берут начало парные культовые бронзовые ножи, грибовидные застёжки и застёжки-палочки, биметаллические клевцы-чеканы, то есть боевые молоты, стремечковидные удила, зеркала с петельчатой ручкой и каменные блюда.

Скифский язык

К сожалению, археологические данные не содержат сведений об этнической принадлежности скифов. Рассмотрение этногенеза любого народа естественно начинать с определения его языковой принадлежности, ибо язык – один из основных отличительных признаков этноса. Это тем более важно в отношении скифов, так как изучающие их исследователи, большинство которых по понятным причинам составляют археологи, при обсуждении проблем этнической истории лингвистическим вопросам почти не уделяют внимания¹. Однако в изучении скифского языка сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, все дошедшие до нас в той или иной передаче скифские слова и имена тщательнейшим образом проанализированы и для подавляющего их большинства установлены надежные иранские параллели², с другой – лингвисты (а вслед за ними и остальные скифологи), за редкими исключениями, игнорируют наличие фонетических особенностей, характерных именно для скифского, – в отличие, скажем, от сарматского, – что создает почву для необоснованных этимологий, на которых представители других дисциплин строят далеко идущие выводы. Господствующее мнение о скифском языке гласит, что «на современном уровне развития языкознания установлена только общая иранская принадлежность скифского и сарматского языков. Разделение скифского и сарматского языков, отнесение конкретных слов, имен и т. д. к какому-либо из них невозможно» (С.В. Полин. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992: 88). В результате скифский язык предстает конгломератом разновременных фонетических явлений, характерных для разных подгрупп иранских языков, являя собой нечто похожее на знаменитого слона с заячьими ушами, изображенного на рельефе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

Стоило бы сопоставить языковые данные со сведениями других отраслей науки, но, к сожалению, антропологические и генетические материалы по ранним скифам весьма скудны, чтобы не сказать больше. Как пишет А.Г. Козинцев, «[н]аселение... эпохи архаической Скифии, известной в основном по материалам из лесостепи, к сожалению, почти не представлено; отсутствуют и архаические материалы с Северного Кавказа... Наиболее ранней, видимо, является лесостепная группа из Медвина (VI–V вв. до н.э.)» (А.Г. Козинцев. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение. – Археология, этнография и антропология Евразии 4 (32) 2007: 144). В результате пока невозможно определить антропологический облик, генетические характеристики и связи ранних скифов, чьи памятники расположены прежде всего в Предкавказье. Как считают А.А. Ковалев и А.Г. Козинцев, степные скифы, чья материальная культура отличается от раннескифской, антропологически весьма близки носителям окуневской, или чаахольской археологической культуры Тувы. Это может свидетельствовать об их приходе в Северное Причерноморье с территории нынешней Тувы и прилегающих районов, но, вопреки мнению упомянутых специалистов, не распространяется автоматически на ранних скифов. То же относится и к имеющимся образцам древней ДНК, также происходящим из скифских могильников классической эпохи. Поэтому основное внимание мы уделим рассмотрению языковых данных под историческим и этнокультурным углом зрения. Неизбежный при таком подходе некоторый «перекосяк» в сторону языка вполне допустим, учитывая почти полное отсутствие сведений о нем в подавляющем большинстве работ о скифском этногенезе,

В приводимой ниже таблице обобщены реконструируемые, хотя и с различной степенью надежности, рефлекссы общеиранских фонем в скифском и, соответственно, фонетические особенности, отличающие скифский от большинства известных нам синхронных ему иранских, в первую очередь сарматского.

Общеиранский

Скифский

*d-, *-d-

l (кроме кластеров *γd, nd*): скиф. Παράλαται = авест. *paraδāta*- и пр. (Семереньи и др. для отдельных этимологий или диалекта царских скифов; Витчак впервые для скифского в целом)

*xš-

š/s-: Σαῖταφάρνης < *Xšaitafarna-, '[Обладающий] блистательным (или «царственным») фарном' и пр. (Харматта, хотя он и считал это явление сарматским)

*š

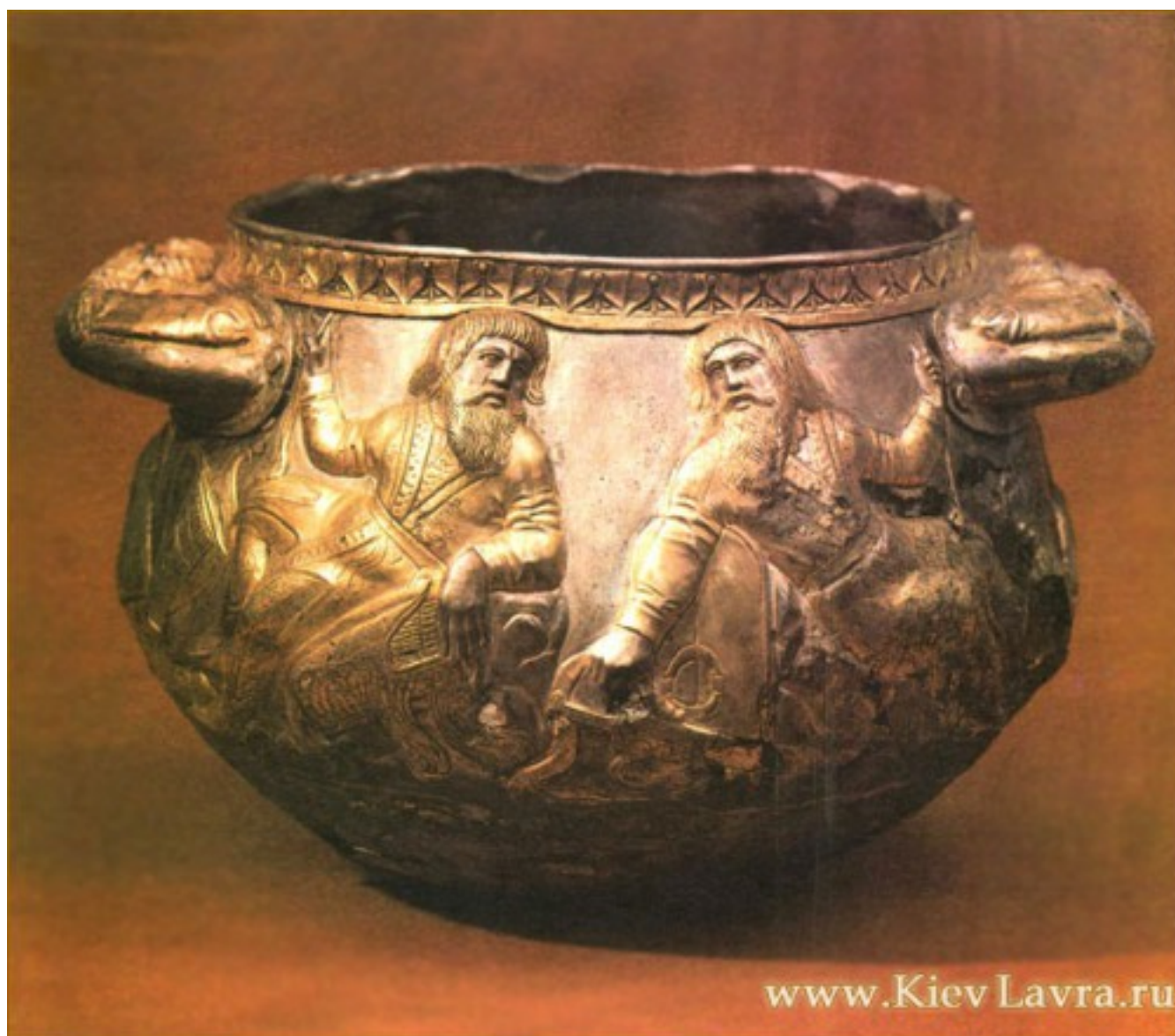
θ: имена скифских царей у Геродота Σπαργαλείθης (из иранского **Spargapaiša*- – 'Подобный цветку' или 'Цветущего вида', ср. ваханское *spraγ'* 'цветок' и авестийское *paēsa*- 'украшение') и Ἀριαλείθης (<**Aryapaiša*- 'Арийского облика') (Абаев – но считал заимствованием)

*-nt-	-d- (?): имя скифского царя у Геродота Μαδύης < *mantu- (ср. авестийское mantu-, древнеиндийское mántu- ‘советник; правитель’); этноним Ἀμάδοκοι < *a-mantu-ka- ‘не имеющие правителей’ (Кулланда)
*-θ-	-∅- (?): скифский Nom. pl. *pāyah ‘пути’ < *paθayah, восстанавливаемый на основании топонима Ἐξαμταῖος, который Геродот переводит Ἱερά ὁδοί, ‘Священные пути’ и пр. (Маркварт)
*~š-	-∅- (?): скифское sprai- ‘глаз’ (приведено Геродотом в форме слю) < индоевропейского *spaksu-, иранского *spasšu-; скифское kararu- ‘кибитка’ (у Гезихия καραρούες) < иранского *kərəšaru- – ср. тохарское A kursär, B kwársär ‘упряжка’ (Витчак)
*h-	-∅- (?): имя скифского царя у Плутарха и Страбона Ἀτέας < *hātia- ‘Истина’ (но ср. легенду на монете ΑΤΑΙΑΣ) и пр. (Фасмер)
*tʰ	t (?): имя скифского царя у Геродота Τάξακις (если из *Tuaxša-ka- ‘Стремящийся’); имя скифа у Лукиана Τόξαρις (если от того же корня, но с суффиксом ra); самоназвание Геродотовых скифов Σκόλοτοι (если из *Skula-tva-); в двух последних случаях огубленность могла бы объяснить появление o вместо ожидаемого a) (Мюлленгофф)
*ʉ-	∅- (?): имя скифского царя у Геродота Ὀρικός < *Uarika-/Uaryaka- и пр. (хотя в греческом мог не передаваться и заведомо произносившийся иранский начальный v (< *u) – ср. Viḍafarnah- – Ἰνταφέρνης/Ἰνταφρένης (Мюлленгофф)
*xʷ-	F - (?): имя скифского божества *Foιτόουρος у Геродота (Кулланда)
*~xʷ-	-χ- (?): наименование скифской социальной группы Αὐχάται (Кулланда)
*du	*d (?) (если имя Μαδύης не из *mantu-, а из *madua- (Кулланда)

Перечисленные особенности скифского языка важны для исторического исследования прежде всего потому, что позволяют верифицировать распространенные этимологии, на которых нередко строятся историко-культурные выводы.

Обратимся к именам персонажей скифской генеалогической легенды о трех братьях, сыновьях первочеловека Таргитая – Липоксая (Λιπόξαις), Арпоксая (Ἀρλόξαις) и Колаксия (Κολάξαις) (Hdt. IV 5–7). В.И. Абаев сравнил первый элемент имени Арпоксая с осетинским *arf* ‘глубокий’ (< *āpra) и перевел все имя как ‘владыка вод’ или ‘владыка Днепра’. Начальный элемент имени Колаксия В.И. Абаев возводил к иранскому *xʷar* (*xʷar) ‘солнце’ и переводил как ‘Солнце-царь’ (Осетинский язык и фольклор. Том I. М.-Л., 1949: 242–243).

Развивая гипотезу В.И. Абаева, Э.А. Грантовский предположил, что Колá- восходит к иранскому *xʷarya-* (*xʷaria-, с характерным аланским переходом *ri/ry > l*), а все имя следует переводить как ‘царь неба’. Первый элемент имени старшего брата, Липоксая, который В.И. Абаев считал не поддающимся объяснению, Э.А. Грантовский возводил к иранскому *ripa, названию Рипейских гор, а также гор *par excellence*. В результате возникла стройная картина, согласно которой имена трех братьев отражали «представление о трех космических плоскостях: верхней – небесной, символизировавшейся солнцем, средней – надземной и нижней – водной или подземной» (Э.А. Грантовский. Индо-иранские касты у скифов. М., 1960: 9).

Чаша, IV в. до н. э. Эти изображения Д.С. Раевский считал иллюстрацией к скифскому мифу.

В дальнейшем этимологии имен персонажей скифской генеалогической легенды неоднократно приводились в подтверждение гипотезы о существовании в скифской мифологии представления о трех сферах мироздания. Увы, в данном случае нас ждет, по выражению Гексли, «величайшая трагедия Науки – убиение прекрасной гипотезы безобразным фактом» (The great tragedy of Science – the slaying of a beautiful hypothesis by an ugly fact) (Thomas Huxley. Biogenesis and Abiogenesis. – Collected Essays, vol. 8, 1894: 244). «Безобразный факт» в нашем случае заключается в том, что *абсолютно все* постулируемые при объяснении первых частей имен трех братьев фонетические переходы в скифском были *невозможны*. Метатезы **pr > rp* не происходило не только в скифском, но и в раннесарматском, о чем свидетельствует сарматское название Днепра, сохраненное в греческой форме Δάναλρις (скифы называли Днепр Борисфеном, Βορυσθένης), следовательно, первая часть имени Арпоксая не может восходить к слову **āpra-* ‘глубина’. Не происходило в скифском и перехода *ri* в *li* или *ru* в *l*, что видно хотя бы из записанных Геродотом скифских имен: Ариапиф, Ариант, Орик. Следовательно, первая часть имени Липоксая не может восходить к иранскому **ripa-*, а первый элемент имени Колакская – к иранскому *x^haria-*.

С исследователями сыграло злую шутку смешение разновременных языковых явлений: отмеченные ими фонетические процессы действительно происходили, но в гораздо более поздний период и в другом, хотя и родственном, языке. Сказанное не означает, что мы должны выплеснуть с водой и ребенка, отвергнув гипотезу о трехчастной мифологической модели мира в скифском мировоззрении: в пользу ее существования свидетельствуют, как будто, и иные данные, но нельзя привлекать в подкрепление оной – как и любой другой – гипотезы заведомо неверную этимологию имен персонажей скифского мифа. Это не праздный вопрос, поскольку исследователи, к сожалению, до сих пор склонны опираться именно на означенную этимологию. Так, Ю.А. Дзищойты подкрепляет отстаиваемую им трактовку отдельных аспектов скифской мифологии утверждениями о том, что «имя Колакская в переводе со скифского означает ‘Солнце-царь’» (Ю.А. Дзищойты. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003: 116), а имя Липоксая «могло означать либо ‘Гора-царь’, либо – что менее вероятно – ‘Земли царь’» (там же: 105). А.И. Иванчик в статье «Фрагмент скифского эпоса: “Колакская конь” в “Парфении” Алкмана» (ВДИ, № 2, 2004) вновь пишет о «Солнце-царе» Колакская и «царе глубин, вод» Арпоксая, во многом строя на этом свое исследование, и, ссылаясь на работу Э.А. Грантовского, говорит о существовании скифского диалекта, для которого был

характерен переход $r > l$ перед i .

По иронии судьбы и сам Э.А. Грантовский, и А.И. Иванчик из отмеченных первым фонетических особенностей скифского языка выбрали (следуя в этом за В.И. Абаевым) для дальнейшей интерпретации ономастического материала те, что были выделены ошибочно, не уделив должного внимания другому, намного опередившему свое время наблюдению Э.А. Грантовского о переходе в этом языке (который Э.А. Грантовский считал одним из скифских диалектов) общеиранского $*d$ в l (хотя в последующих работах Э.А. Грантовский трактовал факты скифского языка с учетом данного перехода – ср. его этимологию имени Палака: от $< *Pāḍaka-$ ‘Ногастый; (Длинно)ногий’). Перед нами – очередная иллюстрация того, что в науке никому, даже самому великому ученому, нельзя верить на слово.

О самоназвании скифов

Можем ли мы на основании установленных фонетических особенностей скифского установить, что означало самоназвание скифов, слово $*Skuda$? Однозначного ответа нет. Неясно, какому из трех фонетически возможных и семантически убедительных толкований отдать предпочтение. Согласно одному из них, впервые сформулированному, насколько нам известно, Лейбницем (на которого в своем описании России, переведенном В.Н. Татищевым, ссылался Страленберг, а на того – сам Татищев) и поддержанному Ф. Юсти, М. Фасмером, О. Семереньи и В.И. Абаевым, слово это восходит к индоевропейскому корню со значением ‘стрелять’ и означает ‘стрелок’ – а скифы славились как стрелки из лука. Французский ученый Франсуа Корнильо сопоставил слово $Skuda$ с ваханским (ваханский – восточноиранский язык, распространенный в Таджикистане и Афганистане) $skid$ ‘тубетейка’ (еще в недавнем прошлом, видимо, ‘остроконечная шапочка’), которое фонетически закономерно восходит к $*skauda$ (François Cornillot. L’origine du nom des Scythes. – Indo-Iranian Journal, vol. 23.). При таком толковании самоназвание скифов означало бы ‘носящие характерные головные уборы’, а известно, что в древнеперсидских надписях ближайшие родственники скифов, среднеазиатские саки, специально именуются ‘острошапочными’ – тиграхауда. Наконец, О.Н. Трубачев предложил возводить самоназвание скифов к корню со значением ‘отрезать, отщеплять’ (ср. осетинское иронское $sk'yd$, дигорское $(a)sk'ud$ ‘оторванный’) (INDOARICA в Северном Причерноморье. Москва, 1999: 137). В этом случае самоназвание ‘скиф’ означало бы ‘отделившийся; отщепенец; изгой’ (ср. самоназвания казаков и казахов)³. Ассирийские и вавилонские передачи самоназвания скифов – $Āš-gu-za-a-a$, $Iš-ku-za$, $Iš-ku-za-a-a$ с протетическим гласным⁴, как и греческие $Σκύθης$, мн. ч. $Σκύθαι$, свидетельствуют о том, что к началу VII в. до н. э. в скифском общеиранский $*d$ перешел в межзубный звонкий $ḍ$ (что характерно для восточноиранских языков). В дальнейшем $ḍ$ в скифском закономерно дал l , и этноним принял вид $skula$ – ср. самоназвание Геродотовых скифов $Σκόλοτοι$ (Hdt. IV 6), образованное при помощи суффикса множественного числа $-ta$ от $*skula-$ (из $*skuda-$ с закономерным юговосточноиранским переходом $ḍ > l$), то есть различие между этнонимами «скифы» и «сколоты» не диалектное, а хронологическое.

Любопытна дальнейшая судьба этнонима $*Skuda$. Он встречается в Библии в форме Ашкеназ (в русской традиции Аскеназ) как личное имя: «Аскеназ, сын Гомера» (Быт. 10, 3), то есть «Скиф, сын Киммерийца». Кроме того, у пророка Иеремии упоминаются «царства Аскеназские» (Иер. 51, 27). Ашкеназ – результат поздней неверной огласовки древнееврейского $škwz$, т.е. $Aškūz$, прочитанного как $šknz$, поскольку в еврейском квадратном письме, как и в арамейском, w и n обозначались одной буквой, представлявшей собой вертикальную черту. У пророка же Авдия упоминается страна Сефарад: «переселенные из Иерусалима, находящиеся в Сефараде, получат во владение города южные» (Авд. 1, 20). Сефарад – это Лидия, чья столица называлась по-лидийски $Šfard-$. В средневековой традиции европейских евреев южная страна Сефарад была отождествлена с находящейся на юге Европы Испанией, а северная страна Аскеназ – с находящейся на севере Европы Германией. Так евреи, изгнанные из Испании и нашедшие приют на арабском Востоке, стали называться сефарди, сефарды, то есть лидяне, а евреи, жившие в Германии и вообще в Северной Европе – ашкенази, то есть скифы.

Выводы

Перечислим основанные на языковых и отчасти археологических и генетических данных выводы относительно праиранцев, скифов, их языка, этногенеза и межэтнических связей.

1. Каменное скифское изваяние. Одесская обл., V в. до н. э.

Праиндоиранцы, праиранцы до распада общеиранского, произошедшего в самом конце II тыс. до н. э., и восточные иранцы (в состав которых входили предки скифов) после этого распада находились в контакте с носителями северокавказских языков. Об этом свидетельствуют заимствования в индоиранском и иранском, чей фонетический облик нехарактерен для индоевропейского в целом и индоиранского в частности (список таких индоиранских слов составил А.М. Лубоцкий: Alexander Lubotsky. *The Indo-Iranian substratum. – Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations.* Helsinki, 2001). Назовем лишь некоторые: индоиранское **varāz^h/f^ha* ‘вебрь’ (др.-инд. *varāhā-*, авест. *varāza-*), видимо, заимствовано из правосточнокавказского **wHār^hwə* ‘кабан, свинья’ (бацбийское *buruq*, цезское *bežo*, лакское *burq* ‘id.’, и т. п. (S.L. Nikolayev, S.A. Starostin. *A North Caucasian Etymological Dictionary.* Ed. by S.A. Starostin. Moscow 1994: 1047). Из прапахского, то есть языка-предка чеченского, ингушского и бацбийского, или цова-тушинского, идет, видимо, приводимое Геродотом слово для обозначения персидского и скифского меча (есть оно и в согдийском): ἀκινάκης, «акинак» Оно не может быть исконно иранским, поскольку в иранском **ki* (ки) дало бы *ci* (чи). Вероятнее всего, иранское слово происходит из прапахского **hāhki* (‘железо’) -*in-* (суффикс прилагательных) -*nek V* (‘нож’) ‘железный нож’ (С.В. Кулланда. К проблеме лексических контактов северокавказских, индоиранских и классических языков. – **ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ-XVI** (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2012 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб., 2012; S.V. Kullanda. *North Caucasian loanwords in Indo-Iranian and Iranian.* – *Scripta Antiqua.* Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Том третий. К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе. М., 2014). Следовательно, праиранская и восточноиранская прародины располагались относительно близко к местам расселения

северокавказцев, видимо, не восточнее реки Урала, чего, как правило, не учитывают археологи, выводящие скифов «из глубин Азии». Вместе с тем уже после распада праиранского, т.е. не ранее рубежа II–I тыс. до н. э., восточноиранские языки контактировали с северокавказскими, о чем свидетельствуют северокавказские заимствования в восточноиранских, отсутствующие в западноиранских. В качестве примера можно привести такие культурные термины как ‘седло’ и ‘вино’: пашто *sary*, согдийское *s'yr* ‘седло’, хорезмийское *saym* ‘верблюжье седло’, ваханское *sirekh*, сарыкольское *siregh* ‘стеганое шерстяное одеяло; матрац’⁵ < прасеверокавказского **čirqā* ‘ковер; покрывало’ – лакское *ciqa*, лезгинское *cirx* и пр. – NCED: 366; скифское **sana* в глоссе Гезихия *οἰναλιτιν* (скифское название пьяницы), которое издатели, начиная со Скалигера, заменяют на *οἰναλιτιν* (вторая часть слова, видимо, восходит к корню со значением ‘пить’), осет. *sən/sænə* ‘вино’ идет из празападнокавказского **s^(w)ana* ‘виноград, вино’ < прасеверокавказского **swñē* ‘барбарис; смородина’). То же слово, согласно Гекатею, существовало у фракийцев, которые, видимо, заимствовали его у скифов. Судя как по форме, так и по семантике, восточные иранцы заимствовали слово **sana* у западнокавказцев. У адыгов слово ‘вино’ было важным культовым термином: день «винопития» (адыг. *sānas*^в, кабард. *sānafə*) считался священным, в этот день нельзя было убивать врага (М.А. Кумахов, З.Ю. Кумахова. Нартский эпос: язык и культура. М.: 133–136).

2. Скифский язык, вопреки распространенному мнению, не был тождествен сарматскому и потому не был предком аланского и осетинского. Произшедшие в нем фонетические изменения (которых нет в упомянутых выше языках), прежде всего переходы *d > δ > l* и **xš-* > сибилант в начале слова, скорее сближают его с юговостоичноиранскими языками, распространенными на территории современного Афганистана, то есть древним бактрийским и современными пашто, йидга и мунджанским. Тот факт, что скифский четко отличался от сарматского, позволяет, в частности, по формальным признакам исключить принадлежность к сарматам носителей определенных этнонимов (сайи) и антропонимов (Сайтафарн), упомянутых в знаменитом ольвийском декрете в честь Протогена. Так, наименование сайев (Σάιοι) явно происходит из **xšaiia-* ‘правитель, царь’ со скифским переходом **xš > сибилант* в анлауте. Тот же переход наблюдается в имени Сайтафарна (Σαῖταφάρνης), царя одного из северопрichernоморских народов, скорее всего, сайев, хотя прямо в источнике об этом не говорится: из иранского **Xšaitafarna-*, ‘[Обладающий] блистательным (или ‘царственным’) фарном’. Вопреки распространенному мнению ни сайи, ни Сайтафарн не могут быть сарматами, ибо в сармато-аланском начальном иранском кластере **xš-* сохранился – ср. его передачу греческим ξ- и осетинский рефлекс *xš-*). Отказываясь от всяких попыток определить, что отличало собственно скифский язык от близкородственных иранских, вроде сарматского (о распространенности такого подхода говорилось выше), мы обрекаем себя на определение языковой принадлежности тех или иных реалий, деятелей и этносов исключительно на основе историко-культурных соображений, что неприемлемо. Языковая принадлежность определяется лингвистически, а все прочие аргументы могут служить лишь для объяснения языковых феноменов, а не для опровержения лингвистических выводов.
3. Скифские заимствования предположительно вошли в мидийский и древнеперсидский (через мидийское посредство?), что согласуется с данными письменных источников о деятельности скифов в Передней Азии. Так, литературное греческое слово ‘сатрап’, *σατράτης*, передает не древнеперсидскую (*xšaçarāvan-*) и не мидийскую (где ожидалась бы передача начального сочетания согласных греческим кси, что и демонстрируют эпиграфические варианты: *ξατράτης*, *ξαθράτης*, etc., отражающие как раз мидийскую норму) форму, а лексему некоего иранского языка, в котором кластер **xš-* в анлауте переходил в сибилант. Таким языком в Передней Азии в соответствующее время был только скифский, учиться которому, по Геродоту (I 73), отправлял мидийских мальчиков царь Киаксар (в последнем полном русском переводе Г.А. Стратановского упоминание об обучении языку по недосмотру опущено).
4. Скифы, по-видимому, заимствовали имена (и образы?) некоторых божеств (Табити, Гойтосира и др.), а также личные (в том числе царские) имена у носителей иных арийских и неарийских индоевропейских языков, на которые в Восточной Европе наложился скифский. Так, Табити (Ταβίτι), согласно Геродоту (IV 59), скифское имя богини домашнего очага Гестии, традиционно возводят к иранскому корню **tap-* ‘согреть’, хотя уже Фасмер, резонно усомнившись, что бета может передавать иранский *-p-*, высказал прозорливую догадку, что в имени Табити, как и в названии Танаиса, начальный глухой соответствует иранскому звонкому (M. Vasmer. Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923: 16–17). Видимо, в согласии с гипотезой Гольцера (G. Holzer. Entlehnungen aus einer bisher unbekanntem indoeuropäischen Sprache im Urbaltischen und Urslavischen. Wien, 1989) о существовании в древности в Восточной Европе некоего индоевропейского языка, где глухим большинству индоевропейских (включая индоиранские) соответствовали звонкие и наоборот, имя Табити следует считать субстратным и возводить к индоевропейскому корню **dh₂p-* ‘готовить ритуальную пищу’ (ср. лат. *daps* ‘торжественная трапеза после жертвоприношения’, арм. *tawn* ‘празднество’, др.-сев. *tafn* ‘жертвенное животное’ и пр.), что не противоречит образу богини домашнего очага. Интересно для уточнения наших представлений об этническом составе населения Скифии имя упоминаемого Геродотом (IV 80) скифского царя Октамасада (Ὀκταμασάδης). О.Н. Трубочев указывал, что сочетание *-kt-* в иранском дало *-xt-*, и на этом основании считал имя Октамасада (где греческое буквосочетание *-кт-*, по его мнению, передавало *-kt-*) индоарийским (INDOARICA...: 199–201). Последний вывод, однако, не обязателен: широко известны случаи передачи греческим *-кт-* иранского *-xt-*, в том числе и у Геродота – Βάκτρα из *Bāxtri-* или Ἀρταύκτης, видимо, из **Arta-uxta-*, и, напротив, не засвидетельствовано случаев передачи иранского *-xt-* греческим *-χ/θ-*. Зато можно с уверенностью утверждать, что греческое *-кт-* никогда не передает восточноиранского рефлекса индоиранского **-kt-*, а

именно *-γδ-*, неизменно передаваемого через греческое буквосочетание *-γδ-* (Ἰνδαυλαίης, Σόγδιος). Следует признать, что скифские цари могли носить западноиранские или иные арийские по происхождению имена, а значит, на территории или на границах Скифии имелось и невостоноиранское по языку население. Косвенный аргумент в пользу нескифского происхождения имени Октамаасада – то, что его носил синдский царевич, упоминаемый в надписи с Семибратнего городища на Кубани. Под влиянием более древнего и авторитетного текста Геродота (IV 80), упоминающего скифского царя Октамаасада, исследователи единодушно считают, что синды заимствовали скифское имя. Однако обратное направление заимствования не менее вероятно, особенно если учесть нескифский фонетический облик имени.

5. Предлагались различные варианты отождествления земли упоминаемых Геродотом «отложившихся» от основной части народа скифов и археологической культуры, носителями которой они были. В связи с проблемой отложившихся скифов М.Н. Погребова и Д.С. Раевский (К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod., IV, 22). – ВДИ, 1989, № 1; Они же. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М., 1992: 203–214) обратили внимание на средневожские памятники раннеананьинской археологической культуры VIII–VI вв. до н. э., прежде всего Старший Ахмыловский и Пустоморквашинский могильники на территории республики Марий Эл. Сама ананьинская культура имеет местные корни и ее носителей считают (и, видимо, справедливо) предками финно-вожских народов. Примечательно, однако, что в раннеананьинских памятниках распространены предметы вооружения, детали конского убора и украшения в зверином стиле, генетически связанные с раннескифскими, а также предметы кавказского происхождения. Объяснить это обстоятельство торговыми связями и импортом скифских вещей вряд ли возможно, ведь ничего подобного нет в ареале городецкой археологической культуры, которая была распространена к юго-западу от ананьинской, от северных районов современной Саратовской области на юге до Волги на северо-востоке, между ананьинской и собственно скифской культурами. Именно поэтому М.Н. Погребова и Д.С. Раевский предположили, что появление скифских и кавказских вещей на Средней Волге было связано с переселением туда из Предкавказья, где концентрировалась раннескифская культура, отложившихся скифов. В связи с локализацией упомянутых выше памятников на территории расселения марийцев любопытно, что В.И. Лыткин возводил марийское *liištáš* и коми *lištini* 'доить' к иранскому **dauχš-/duχš-* 'доить' в юговостоноиранской форме, с переходом *d > l* (О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках. – Известия АН СССР, отд. Литературы и языка, 1951, № 4). Однако, хотя заимствование приведенных слов из юговостоноиранского, герср. скифского, и нельзя полностью исключить, их финно-пермское происхождение (из **liips-tV*) не менее вероятно (устное сообщение Ю.В. Норманской), и с далеко идущими выводами о языковых следах пребывания скифов на Средней Волге спешить не следует. С другой стороны, о скифском присутствии вроде бы свидетельствует сравнение ДНК современного населения этих мест и образцов древней ДНК из скифских могильников Ростовской области. Как отмечают генетики, «(н)аиболее близкие к скифским современные популяции обнаруживаются в низовьях Камы и Вятки» (О.П. Балановский, Е.Ф. Батиева, С. Der Sarkisyan, В.В. Запорожченко, А. Соорег, Е.В. Балановская, W. Наак. Скифские могильники Нижнего Подонья в контексте современного и древнего населения Евразии. – Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения). Сборник статей. Ростов-на-Дону, Издательство ЮНЦ РАН 2013: 60).
6. Скифские (и по крайней мере одно северокавказское, воспринятое через скифское посредство – слово для обозначения вина, ср. выше) заимствования распознаются во фракийском. К таковым можно отнести названия фракийских племен, среди которых Гекатей и Геродот упоминают, например, Σάτραι, чье имя явно отражает иранское *χάθρα* «власть» со скифским переходом *χš- > s-* в начале слова. Тем самым языковые данные подтверждают исторические и археологические сведения о скифо-фракийских связях.

7. Пласт слов, которые по фонетическим особенностям можно отнести к скифским, прослеживается в Младшей Авесте. Еще в позапрошлом веке было замечено, что в Авесте есть слова, которые, будучи иранскими, демонстрируют фонетическое развитие, отличное от собственно авестийского (подобно мидизмам в древнеперсидском или старославянизмам в русском). Так, мифический герой Керсаспа именуется то *gaēsu-*, то *gaēdu-* 'курчавый', наряду с *sūra-* 'сильный, могучий' (ср. др.-инд. *sūra-*) встречается *aīβi-θūra-* 'могущественный'. Для одного и того же слова со значением 'чей срок еще не пришел', причастия от корня *sak-* 'проходить (о времени)', часть рукописей дает регулярную авестийскую форму *anasaxta-*, а часть – *anaθaxta-*. В Старшей Авесте встречается корень *nas-* с приставкой *vī* 'быть обреченным на гибель, пропащим'. У него в Младшей Авесте имеется дублет *vi-naθ-*, который в каузативе означает нечто вроде 'сдирать шкуру; снимать скальп'. Интересующие нас рефлексы восходят к индоиранскому **ś* (из индоевропейского **k*). Из засвидетельствованных древнеиранских языков развитие **ś > θ* характерно для древнеперсидского и скифского (ср. выше). Любопытны и авестийские примеры нерегулярной для известных древнеиранских языков рефлексии праиранского **s* в кластере **sr-* в анлауте (начале слова): авест. *θraotah-* 'поток', ср. др.-инд. *srótas-* 'id', авестийская лексема сохранилась в составе сложных слов *θraotō.stak-* и *θraotō.stāt-* 'проточный', чаще в женском роде и во множественном числе, поскольку речь идет о водах, *āp-*. Возможно, в языке, из которого были заимствованы эти слова, *sr-* в начале слова регулярно давал *θr-*. Это не было характерно для древнеперсидского, где рефлекс того же этимона, что дал авестийское *θraotah-*, демонстрирует развитие **sr- > *hr- > r-* – *rautah-*. Шведский индоиранист Стиг Викандер связывал слова, в которых общеиранский **ś* дает *θ*, с туранцами, т. е. со степными кочевниками (Stig Wikander. Der arische Männerbund. Studien zur Indo-Iranischen Sprach- und Religionsgeschichte. Lund, 1938: 37), не приводя, правда, в пользу такой идентификации лингвистических и культурологических аргументов, что попытаемся сделать мы. Поясним, почему мы считаем эти заимствования скифскими, а не древнеперсидскими. Во-первых, в Авесте не зафиксировано иных характерных для древнеперсидского фонетических черт, кроме перехода **ś* в *θ*, а наличие особенностей, невозможных в древнеперсидском, но либо характерных, либо не исключенных для скифского, предполагать можно (ср. выше). Во-вторых, некоторые из обозначаемых интересующими нас словами реалий действительно скорее связаны со степными культурами, а не с Персией (например, о скифском обычае снятия скальпов писал Геродот – IV 64). Это подтверждает сообщения античных авторов о едином происхождении среднеазиатских саков и европейских скифов.

Расхожее представление о том, что изучение скифского языка ничего принципиально нового дать не может, далеко от истины, и скифологов, хочется верить, ждет еще много не только археологических находок.

1

☒ А в тех случаях, когда неспециалисты пытаются прибегнуть к лингвистической аргументации, невольно думаешь, что лучше бы они этого не делали. Например, Л.А. Лелеков (Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Круглый стол. Выступление. – Народы Азии и Африки, 1980, № 5: 126), усвоив, что индоиранский **s* в иранском в большинстве позиций дал *h*, считал наличие *s* в словах «скиф», «сколот», «сармат» и т.п. свидетельством их неиранского происхождения, не зная ни того, что в консонантных сочетаниях *s* с глухим смычным исконный *s* в иранском сохранялся, ни того, что в большинстве иранских языков (в том числе, видимо, и в сарматском) имелся и вторичный *s* (из общеиранского *ś*).

2

☒ Толкование скифских слов из тюркского несостоятельно хотя бы потому, что фонетика засвидетельствованных скифских слов противоречит фонетическим характеристикам пратюркского (распад которого по глоттохронологическим данным относится к I в. до н. э., т. е. много позже появления на исторической арене скифов – соответственно, сравнивать скифские слова имело бы смысл только с пратюркскими, а не с их рефlekсами в отдельных древних и современных тюркских языках). Так, пратюркское слово не могло начинаться на сонанты **m* и **l*, тогда как нам известны скифские имена Мадий и Липоксай;

невозможными в праторкском были и скопления согласных в анлауте (начале слова), засвидетельствованные в самоназвании скифов и таких именах, как, например, Спаргапиф. Одним словом, попытки объявить скифов тюрками представляют интерес разве что с точки зрения современной этнопсихологии.

3

Этимология А.В. Назаренко (К этимологии этнонима ΣΚΟΛΟΤΟΙ (Геродот IV, 6). – Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989), сблизившего скифское Σκολ- с общеславянским *хол-, отраженном в русских словах 'холостой', 'холоп' и т. п., и германским *skal-k-s 'слуга, раб', несостоятельна: скифский -l- восходит к иранскому *-d-, который не может соответствовать славянскому и германскому -l-.

4

В аккадском, как и в других древнесемитских языках, слог не мог начинаться с двух согласных, поэтому в текстах на ассирийском диалекте вставлялся протетический гласный a-, а на вавилонском – i- (И.М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. Издание 2-е, дополненное. Под редакцией С.Р. Тохтасьева и В.А. Якобсона. СПб., 2008: 255).

5

▣ Арабское и персидское *sarj*, видимо, заимствованы из какого-то восточноиранского языка (согдийского?).

6

▣ И в самом деле, у нас нет примеров озвончения интервокального -p- в скифском: ср. имена Апи, Липоксая, Папая, Скопасиса, Спаргапифа и пр., этноним напов и другие слова. С.Р. Тохтасьев (Проблема скифского языка в современной науке. – Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Edited by Victor Cojocaru. Iași, 2005: 78–79, примеч. 109) допускает для имени Табити возможность диссимилиации глухих смычных, но параллельных примеров такой диссимилиации в скифском также нет.

7

▣ Ср., например, ...*pqstō.fraθaηh̄am hē kam̄ar̄d̄am vīnāθaiien* (Vd. 3, 20): «...пусть оскальпируют ему башку, насколько простирается кожа».

8

▣ *yeηhā̄ paiti θraotō.stācō āpō tacinti nāvaiiā̄* («по которой [земле] бегут проточные судоходные воды» – Yt 13, 10); [*yazamaide...*] *vīspā̄ āpō xā̄ paiti θraotō.stātasca* («[почитаем жертвой] все воды, что в источниках и потоках» – Y 71, 9).